

Уход "философского парохода" был катастрофой для России

(Щедровицкий П.Г. Уход «философского парохода» был катастрофой для России // Интервью [Электронный ресурс]: Русский журнал 02.11.2012. URL:<http://www.russ.ru/pole/Uhod-filosofskogo-parohoda-byt-katastrofoj-dlya-Rossii>)

Осень этого года - знаковая для интеллектуалов: 90 лет с тех пор, как Советы начали массированное наступление на идеологическом фронте и решили судьбу сотен ученых и педагогов.

В сентябре-ноябре 1922-го из России высылали философов, экономистов, юристов, врачей. Из всех российских губерний, в соответствии с тщательно составленным списком, с подпиской о невозвращении под страхом смерти. Высылка была «подарком» новой власти неугодным, так как заменяла смертную казнь. 29-30 сентября и 16-17 ноября 1922-го «Философский пароход» — два рейса немецких пассажирских судов, «Oberbürgermeister Haken» и «Preussen» — вывез в Европу цвет русской мысли.

Сегодня у нас есть возможность читать о том, что пережили эти люди вдали от России: вышли первые тома новой серии «Философия России первой половины 20-го века», посвященной творчеству, в том числе изгнанных, российских философов.

О потерях в российском интеллектуальном корпусе и судьбе мыслящих людей — в интервью с инициатором проекта «Философия России XX

века», заместителем директора Института философии РАН по развитию, Петром Щедровицким.

— Петр Георгиевич, этой осенью интеллектуальная Россия отмечает печальную дату — 90 лет с ухода «философского парохода» из Петрограда. Понятно, что это символ: и до, и после двух знаменитых рейсов — «Oberbürgermeister Naken» и «Preussen» - большевики выслали, сажали и расстреливали людей мысли. И, тем не менее, «философский пароход» - некая точка отсчета для русского просвещения. Можно ли сегодня оценить урон для русской науки и культуры, нанесенный в 1922 году? В каких отраслях мы потеряли знания?

Безусловно, уход «философского парохода» был катастрофой для России. Мы потеряли живую мысль: экономистов, социологов, представителей исторических дисциплин, философов. Это создало огромные провалы в различных сферах знания, но главное — стало причиной разрыва в воспроизводстве культуры мышления: и философского, и, чуть позже, научного. Разрыв этот невозможно восстановить только за счет культуртрегерской работы по переводу. Ведь даже хорошо перевести, что, как Вы знаете, не всегда получается, не значит понять.

— Когда же начался процесс восстановления утраченного знания?

После распада СССР и созданной в нем машины по выхолащиванию даже мельчайших ростков свободного мышления. В 90-е и «нулевые», с огромным — часто, столетним - опозданием в Россию хлынул поток социально-гуманитарной литературы, издававшейся в мире в XX веке и

практически полностью закрытой от нас. Для того, чтобы эффективно заниматься гуманитарными темами в постсоветские годы, пришлось использовать опыт американской, европейской, а теперь уже и азиатской, интеллектуальной культуры.

В 90-2000-е также массово началось переиздание работ русских философов, которые за советские годы стали библиографической редкостью: многие книги уничтожались целенаправленно, изымались из библиотек или же издавались только за границей. Вдумайтесь! В XX веке работы русских мыслителей - многие из них о России и глубинных проблемах нашей истории и культуры - стали доступны нам только благодаря краху СССР.

Однако, хуже другое: большевики 70 лет прививали обществу неуважение, а часто - классовую ненависть к мысли, особенно к инакомыслию. И это тоже причина того, что своя мысль не поддерживалась, прямое следствие изгнания интеллектуалов большевиками. Не только изгнания, но и физического уничтожения, конечно, которое шло с 1918-го года. Ведь не забывайте, что многие из тех, кто не уехал, просто погибли - были расстреляны, замучены в лагерях.

В рамках нашего проекта, мы предполагаем издать 37 томов, посвященных философам первой половины XX века: как говорят, «их жизни и творческому пути». В каждом томе - развернутая биография, библиография работ мыслителя и библиография работ о нем. Отдельная линия в рамках проекта - фотодокументы и архивы. Осталось очень много неопубликованных материалов, которые писались, например, гонимыми философами «в стол». Тот же Алексей Федорович Лосев с 30-х по начало 60-х годов практически ничего не издавал. И это тоже трагедия: мыслитель не имел возможности

доносить свою мысль до людей, получать обратную связь и чувствовать себя востребованным.

— А как удавалось в лагере, например, собирать и сохранять архив?

По-разному. Прятали, запоминали наизусть. Морозов, который сидел в Шлиссербургской крепости, в голове написал книгу. Вышел и издал ее — 7 томов.

— Но это уникальный случай...

А все интеллектуалы, знаете ли, в общем, были уникальными людьми...

— Петр Георгиевич, сколько бы мы ни анализировали историю, мы всегда натываемся на один и тот же сюжет – преследование интеллектуалов со стороны власти. В чем корни этой «традиции»? Играет ли роль почва, на которой происходят драматичные события?

Дело в том, что власть - особенно абсолютистская, централизованная - всегда претендует на то, чтобы быть единственным источником истины. А поэтому появление альтернативных центров генерации знаний, представлений о мире, ценностей, для нее - проблема, так как нарушается ее непререкаемый авторитет. Отношения власти с интеллектуальными сообществами в любой стране во все времена непросты. Особенно с философами, так как они говорят о предельных вещах: о том, как устроен мир, как жить, что такое истина, добро, красота...

Иногда эти отношения - некий пакт о ненападении: до той поры, пока интеллектуалы не претендуют на непосредственный разбор действий власти, а обсуждают это в некой теоретической действительности, им дают возможность как-то существовать. Временами же напряженность достигает кульминационных точек: таких, как массовое потопление китайских интеллектуалов в клозетах, «философский пароход», сожжение книг в фашистской Германии.

«Философский пароход» - это первая в истории централизованная массовая высылка и, я думаю, вообще единственная в мире. А вот преследование довольно широкого круга интеллектуалов за их свободомыслие в истории неоднократно повторялось. Посмотрите историю России: 19 век - Герцен, Лавров... Да, кого ни возьми из мыслителей того периода: либо вынужденно уезжали, либо добровольно - просто чтобы заниматься своим делом. Бежали как при царском режиме, так и при большевиках, причем независимо от того, каких убеждений придерживался человек. Можно было бы исходить из того, что преследовали, например, марксистов, так нет же! Это касалось любых людей, у которых было самостоятельное суждение, и они не боялись его высказывать. Любой режим, так или иначе, преследует тех, кто привык думать.

— И все же есть разница между судьбой наших интеллектуалов и западных. Иначе откуда взяться традиции бежать из России именно в Европу?

Конечно, отличие положения европейских интеллектуалов от российских - и любых других, живших в централизованных тоталитарных государствах - заключалось в том, что у них было больше свободы. В Европе, как мы знаем, многие столетия существовала

дихотомия светской и церковной власти, и внутри этого зазора появлялось пространство для свободного мышления интеллектуалов. Грубо говоря, если церковь начинала преследовать какое-то инакомыслие и обличать еретиков, агрессивными мерами внедряя букву религиозных представлений, можно было уйти под опеку светской власти, как и произошло в своё время с Реформацией, с Мартином Лютером. Он выживал, опираясь на небольшие немецкие княжества, которые поддерживали его финансово, идеологически и организационно. И за счет этого Лютер оставался недосягаемым для преследований католической церкви.

Если же, например, мыслителя преследовали светские властители, в Европе всегда можно было перебежать к соседу: и для того, чтобы спасти свою жизнь, и для того, чтобы получить возможность работать и открывать новое. Как известно, Христофор Колумб довольно долго собирал свою экспедицию в Новый свет. До того, как его поддержала испанская корона – причем, с третьего обращения – он сделал десяток попыток в разных странах, уговаривая власть профинансировать его. Если бы в этот момент Европа была единым централизованным государством с абсолютистской властью, то просто не к кому было бы пойти. И, наверное, Америка не была бы открыта.

— На какие идеи русских интеллектуалов, в первую очередь, так остро реагировала власть?

На многие. Мыслящие люди выявляли те проблемы, которые лежали в основе происходящих событий, что, конечно, не могло устроить власть, стремившуюся полностью подмять под себя общественное сознание. Тем более, идеологическая борьба тогда шла печатным словом, а эти люди в России были очень авторитетны. Например, экономист Борис

Бруцкус, который в 1921-22 году в журнале «Экономист» - их вышло всего 4 номера – описал, почему социалистический строй рано или поздно прекратит своё существование, не зная о том, что аналогичные аргументы развивал Людвиг фон Мизес в своей книге «Социализм» в те же годы. И если мы вспомним, что произошло через 60 лет, выяснится, что они полностью описали глубинный механизм, приведший к коллапсу Советского Союза.

– Какие причины неминуемого развала Союза приводил Бруцкус?

Основная причина – закрытость от внешнего мира и отсутствие критериев оценки эффективности труда. Когда есть конкуренция, есть и возможность сравнить разные виды человеческой деятельности: более эффективные и менее эффективные. А когда мы закрываем систему и убираем рамку оценки, то мы теряем способность управлять, что и ведет к деградации.

– Высылка Бруцкуса и прочих интеллектуалов была, с точки зрения большевиков, необходимой мерой? Недостаточно было просто запретить людям печататься? Или они все же представляли собой угрозу до тех пор, пока они могли что-то говорить?

Конечно. Помните эту замечательную историю про то, как Николай Первый обходит строй гренадеров? Все одинакового роста, все в форме, одинаково подстрижены. Остановится, посмотрит: все начищено до блеска, усы у всех одинаковой формы, полный порядок. Поворачивается к своему сопровождающему и говорит: «Дышат, сволочи...». То есть все хорошо, но дышат! Так и здесь. Запретить

писать, печататься, говорить, выходить из дома... Но запретить думать - то человеку нельзя!

— И, тем не менее, несмотря на давление государственной машин, мысль и знание сохраняются во всем мире.

Да, это так. Понимая проблематику агрессивного отношения любой власти к инакомыслию (я подчеркиваю, любой власти), человечество изобрело институты ее сдерживания. Есть политические процедуры: выборы, смена, ротация. А есть способы, предложенные сообществом интеллектуалов. Например, в Европе профессор в университете, получив кафедру, занимал ее пожизненно. И власть не могла его просто так отстранить. Безусловно, там были свои проблемы, интриги, но, в любом случае, это был и остается публичный процесс, независимый от власти.

Посмотрите, что происходило в Европе, например. В основном, кафедры в ведущих европейских и мировых университетах получали люди, известные в своей области, проявившие себя. Например, Мишель Фуко преподавал в Коллеж де Франс (Le College de France) с 1971-го до своей смерти в 1984 году. Его кафедра называлась «История систем мысли» и была создана, по решению общего собрания профессоров Коллеж де Франс, вместо кафедры «История философской мысли», которой, опять же, до своей смерти руководил Жан Ипполит. Фуко, заметьте, возглавил кафедру в возрасте 43 лет.

И вот процедура: собирается профессорское сообщество, решает, кому отдать кафедру, приглашает Фуко и делает ему предложение. Он соглашается или не соглашается – у него есть выбор. Согласившись, он объявляет, какая это будет кафедра, чем она будет заниматься, произносит инаугурационную речь для студентов и профессорского

состава. А нагрузка у него потрясающая. Вдумайтесь: профессор обязан отводить преподаванию 26 часов в год. Кроме того, каждый год – за исключением годового отпуска, который дается один раз в 7 лет – он должен представлять оригинальное исследование. За это профессор получает в сегодняшних деньгах 60-100 тысяч евро, то есть он получает содержание.

— За имя?

За имя. И вот такие институты, поддерживающие интеллектуалов, одновременно сберегают разнообразие, критику, возможность взглянуть на ситуацию с другой стороны, а главное – они сохраняют развитие. Такую же защитную роль играют академические институты, международные исследовательские проекты, исследовательские сети. Они поддерживают возможность свободного самоопределения интеллектуалов для того, чтобы те могли заниматься важными - но зачастую непонятными для существующей в тот или иной период власти - исследованиями. Поэтому основная-то наша проблема заключается в том, что, выгнав такую плеяду мыслителей, Советский Союз лишился критической самооценки в лице этих людей и впал через какое-то время в обычную для любой общественной системы самоуверенность, неминуемо приводящую к краху.

<https://shchedrovitskiy.com/uhod-filosofskogo-parohoda/>